

Журнал "Искорка"

№11, 1969

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ж92

Ж92 Журнал "Искорка": №11, 1969 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 68 с.

ISBN 978-5-458-62104-5

«Искорка» — детский журнал, ежемесячное приложение к газете «Ленинские искры». Выходил в 1957—1992 годах. Первоначально выходил в маленьком объёме и формате и ставил себе скромную задачу, чтобы дети смогли прочитать интересный рассказ, стихи, познакомиться с героями наших дней, а в часы досуга посидеть над разгадыванием кроссвордов, шарад, головоломок». Однако уже к концу 1957 года объём журнала значительно увеличился, стали печататься повести, пьесы.

ISBN 978-5-458-62104-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— **А** ты, дружок, что так бледен? Хворал? — спросил Владимир Ильич худенького деревенского мальчика.

— Это он от голода насковозь светится, — ответил Сосипатыч, местный охотник. — Четырнадцать детей было у латыша Кудума, и все померли от торговой жизни. Один Миня остался, да и тот, как видите, на ладан дышит...

Это было в Шушенском, глухом сибирском селе, куда царское правительство сослало Владимира Ильича, после того как он без суда и следствия больше года отсидел в одиночной камере петербургской тюрьмы.

Владимир Ильич был первым человеком, кто поделился с обездоленным мальчиком и куском хлеба, и теплом души. В семье Владимира Ильича Миню кормили, учили, одевали и всячески баловали. Миня так полюбил Владимира Ильича, так привязался к его семье, что и дня без них прожить не мог.

Ленин не пал духом, как надеялись царь и судьи, осудившие его на три года. Он и здесь, в ссылке, боролся с самодержавием: писал книги и статьи, руководил ссыльными товарищами, помогал крестьянам в их тяжбах с богачами и местными заправилками.

Обо всём этом правдиво и увлекательно рассказывает украинский писатель Владимир Васильевич Канивец в повести «Мальчик и жар-птица». Отдельной книжкой эта повесть выйдет в издательстве «Детская литература» к столетию со дня рождения Владимира Ильича.

В. КАНИВЕЦ

Рисунки В. Орлова

Будем, Минька, соседями

ЧЕРНЫЕ ДНИ

Одно окно избы, в которой жил Миня, выходило на улицу. И он, боясь встречи с пьяным отцом, прежде чем войти, заглядывал в окно. Если света в комнате не было, он стоял несколько минут у окна, прислушивался и, только убедившись, что никакая опасность ему не грозит, входил в избу. Так он поступил и в этот вечер. Но то, что Миня увидел, было настолько страшным, что он так и замер у окна. Возле стола, опершись на свою кривую саблю, сидел Заусайлов. Отец дрожащей рукой наливал ему в кружку водку и говорил каким-то плачущим го-

лосом, будто его только что сильно побили:

— Ваше благородие! Вы уж простите нас, он же ещё малый, глупый. Мы проглядели, а они, политики, и сбили парня с пути. Ведь им всё нипочем. Они и против самого царя, как вы говорили, идут, где ж им наши кровные власти уважать и почитать. Выпейте ещё хоть глоток, ваше благородие. И не взывайте, что никакой такой особой закуски нет, снизойдите к нашей бедности.

— Я-то выпью, — сурово басил Заусайлов, берясь за кружку. — Но ты смотри мне! За связь с политиками я тебя так припеку, что и внукам и



правнукам закажешь! Тут у меня разговор короткий. Я, брат, на царской службе. Все эти преступники под мою власть поставлены и моя воля карать их либо миловать. Да у меня — ша: у меня они тише воды, ниже травы. Я до фельдфебеля дошёл на царской службе; меня не обманешь. Я насквозь вижу, чем ты дышишь. Я за престол жизни своей не пожалею, а ты что? Ты даже не русский. Ты христа-ради тут живёшь. Я тебя завтра упеку туда, куда Макар телят не гонял!..

— Ваше благородие, сми-луйтесь над нами! — просит мать, перепуганно всхли-пывая. — Простите на этот раз. Ведь мальчишка мал, глуп. Да мы ему теперь даже ходить

мимо тех политиков не позво-лим, а не то что в избе бы-вать.

Пил Заусайлов, пугал всеми напуганнейшими карами, пока язык не стал заплетаться. Тогда отец и мать Мини взяли его под руки и осторожно повели из избы. На улице Заусайлов ожил, затаил песню, но разобрать, что он пел, было невозможно. Мать проводила урядника до ворот и верну-лась, а отец поволок его даль-ше. Так он будет тащить уряд-ника до самой избы. Значит, вернётся не скоро. Миня стрем-глав бросился в избу, чтоб за-лезть на печь раньше, чем войдёт мать. Ведь у неё тоже можно доброго шлепка схва-тить...

— А, явился... — войдя в

избу, сказала мать. — Ну-ка, слезай сюда!

— Зачем? — спросил Миня, будто не знал, почему мать так строго зовёт его. — Мне спать хочется.

— Ак шаксмас!¹ Он спать хочет! А что ты, дурная твоя голова, натворил, знаешь?

Миня молчал.

— Ну, погоди, вот отец вернётся. Ту виням добуси!²

Настали для Мини чёрные дни: его не выпускали даже со двора. Это было самое жестокое наказание. Мало того, что он всю весну под забором просидел, так ещё и теперь никуда не пускают. А ему так хотелось хоть одним глазком поглядеть на тётю Надю и дядю Володю, на бабушку Елизавету... Что они там делают?

БУДЕМ, МИНЬКА, СОСЕДАМИ

Сколько раз пробовал убежать со двора да проведать тётю Надю и дядю Володю, но мать зорко следила за ним. Пытался добром отпроситься — слушать не хотела. И Миня понял, что тень грозного Заусайлова, которому сам царь приказал стеречь политиков, будет неотступно ползти за ним. Он начал обдумывать планы, как обмануть и отца, и мать, и Заусайлова, но ничего не мог придумать. В отчаянии Миня прятался в какой-нибудь угол, чтобы никто не видел его, и горько плакал. Мать, глядя как, он

мучился, только тяжело вздыхала:

— Манас мазайс, Микелиньш¹, ну чем они, те политики, приворожили тебя? Чего ты сохнешь по ним?

— Я люблю их! — сердито отвечал Миня. — И я пойду к ним! И не побоюсь ни тебя, ни отца, ни этого вредного Заусайлова!

— Ак ман деви!² — всплескивала мать руками. — Как ты можешь такое говорить? Ты же знаешь, что Заусайлов грозил прогнать нас отсюда! А куда мы пойдём? Куда денемся?..

Мать начинала плакать, Мине становилось жаль её, и он некоторое время сидел спокойно. Эти слёзы матери — самое горькое. Они только и держали Миню во дворе: ни отца, ни Заусайлова он не боялся. Правда, бьёт отец ремнём очень больно, да можно перетерпеть. А причинять боль матери он не мог, её боль переживал острее, чем даже собственную. Весь день он сновал от одной калитки к другой (изба хозяйская стояла на одной улице, а флигель, в котором жил Миня, — на другой), надеясь, что тётя Надя или дядя Володя хоть пройдут мимо. Но всё напрасно. Изба Зыряновых, где они жили, на другой улице, и ходить им сюда было незачем. И он уже думал, что никогда не увидит их, как вдруг счастье вспомнило о нём...

¹ О, ужас! (*Латышск.*)

² Он тебе всыплет!

¹ Мой маленький.

² Ах, боже мой!

Встал он в то утро чуть свет. Поел картошки и, не зная, чем бы заняться, слонялся из одного угла двора в другой. Помог хозяйской дочке подмести возле крыльца, у ворот. А когда Аня начала мыть второе крыльцо, то, что с двумя красивыми колоннами, Миня удивлённо спросил:

— Зачем ты его моешь? Разве вы сюда жить перейдёте?

— Нет. Квартиранты придут смотреть эту половину, — ответила Аня. — Вот мать и велела вымыть.

— Кто ж тут будет жить?

— Да тот политик, что недавно венчался. У Зыряновых

им почему-то не живётся, говорят — много шуму, так они к нам просятся.

— Так это ж дядя Володя и тётя Надя, с бабушкой Елизаветой! — радостно воскликнул Миня. — Вот хорошо-о-о!

От радости Миня заскакал на одной ноге. Бросился домой, чтобы рассказать матери, но вспомнил, что она не позволяла ему ходить к политикам, и остановился, не зная, с кем поделиться новостью. Вскоре



он увидел, что во двор вошли тётя Надя, бабушка Елизавета, а с ними и дядя Володя. Миня побежал к ним. Он так разволновался, что забыл сказать «здравствуйте», а только обнял колени тёти Нади и замер, едва удерживаясь, чтоб не расплакаться. Тётя Надя наклонилась к нему, тихо спросила:

— Ну что ты, Миня?

— Не пускали меня к вам... — не сдержав слёз, пожаловался он.

— Кто?

— Заусайлов...

— Заусайлов? — удивилась тётя Надя. — Вот так так!.. Слышишь, Володя?

— Слышу, — ответил дядя Володя, сердито хмурясь. — И не очень удивлён: это просто новая подлость нашего стражника. Ну, не печалься, Миня, не так страшен Заусайлов, как тебе кажется...

Подошла хозяйка, Прасковья Олимпиевна. Все поздоровались с ней, и она повела показывать комнаты. Миня тоже поплёлся следом.

— Это кухня? — спрашивал дядя Володя. — Ну что ж, прекрасно! Не знаю только, как мои хозяйки — справятся ли с русской печью?

— Научимся, — ответила тётя Надя. — Разве не так, мама?

— Что ж делать, — вздохнула бабушка Елизавета. — Придётся.

— О, эта комната просто роскошна! — пройдя дальше, сказал дядя Володя. — И знаешь, Надя, она мне очень на-

поминает гостиную в нашем симбирском доме. Просторная, светлая... Нет, нет, чудесно! Правда, Елизавета Васильевна?

— Комната очень хороша, — ответила бабушка Елизавета, — да будет ли только в ней тепло зимой?

— А это уж зависит от того, как топить будете, — отвечала хозяйка. — Изба наша очень тёплая. Когда жив был мой покойный муж, то мы все комнаты занимали сами. Ну а теперь остались с Аней вдвоём, так уж не под силу всю избу отапливать. Да и нужды в этом нет.

Тётя Надя и бабушка Елизавета сказали, что им тоже квартира нравится. Миня уже думал, что всё решено. Да вдруг выяснилось, что у хозяйки нет кроватей. У Мини сердце оборвалось: ну, всё пропало! Не переедут сюда. Но он зря испугался: дядя Володя сказал, что найдёт где-то кровати. И если хозяйка оставит остальную мебель, то они переедут немедленно.

ПЕРЕЕЗД

Миня был уверен, что они переедут в тот же день, и не отходил от ворот. Но они не переехали ни в этот день, ни в следующий. Малыш места себе не находил. Неужели передумали? Нет, не может этого быть! Так что ж держит их там? Или Заусайлов не позволяет сюда, где Миня живёт, переезжать? Да нет, дядя Володя совсем не боится Заусай-

лова. Миня не раз видел, как дядя Володя разговаривал с Заусайловым. Совсем не так, как отец или мать. Да и Заусайлов не пугал дядю Володю всякими карами, не приказывал, а просил: не ходите далеко, не ездите никуда без разрешения. Дядя Володя, хмурясь, перебивал:

— Мне нужно расписаться в книге?

— Будьте любезны, — торопливо раскрывал книгу Заусайлов. — Вот в этой графе... Спасибо.

— Что вам ещё? — сухо спрашивал дядя Володя.

— Всё. Пока что — всё... — пряча книгу под мышку, почти-точно говорил Заусайлов.

— Рад буду видеть вас завтра... — не скрывая иронической улыбки, говорил дядя Володя.

— Обязательно зайду... обязательно... — придерживая свою кривую саблю рукой, пятался Заусайлов к выходу.

— Я не сомневаюсь!

Сказав это, дядя Володя брался за свою работу, не обращая внимания на Заусайлова, будто его и в доме не было. Заусайлова это заметно раздражало; он недовольно шевелил острыми, лихо закрученными фельдфебельскими усами, косился на Миню, будто тот был в чём-то виноват, сердито покашливал в кулак. А выйдя во двор, принимал важный вид, выгибал грудь и, поправив ремень сабли, не просто шёл, а шествовал, чтоб показать всем, как строго он

обходится с политиками. Дядя Володя, глядя, как Заусайлов преобразается на улице, весело смеялся. Миня тоже смеялся, и смех этот убивал в его душе страх перед Заусайловым.

Наконец Сосипатыч привёз две железные кровати, пришёл дядя Володя, и они внесли их в избу. Поставили в крайней комнате и поехали за другими вещами. А когда Сосипатыч приехал ещё раз, то на возу было полно корзин, узлов, книг. Дяде Володе пришлось помогать ещё два политика — Оскар и Проминский. Миня тоже носил книги, от гордости не чуя ног под собой. Пустые комнаты сразу ожили, наполнившись гомоном и смехом, потому что там, где был дядя Володя, всегда было весело. Поставили всё на свои места и снова поехали за вещами. А Миню оставили за сторожа.

В этот день устраивались. Миня и книги носил, и матрац помогал набивать сеном. А когда матрацы уже были набиты, Миня на них боролся с дядей Володей. Дженни скакала вокруг них и лаяла. Тётя Надя пришла взглянуть, что там случилось. Посмотрела, улыбнулась, сказала с ласковым укором:

— Ты, Володя, как маленький...

— Вот тебе и нá!., — с комическим отчаянием махнул рукой дядя Володя. — Ведь мы же делом занимаемся,

— Каким делом?

— А вот каким! Мы матра-

цы утрамбовываем. Правда, Миня?

— Ага... — подтвердил Миня, хотя сам только что узнал, что он не просто борётся с дядей Володи, а и матрацы утрамбовывает.

Только тогда, когда на улице стемнело, все вещи были поставлены на свои места. Книги стояли на двух полках. Одну полку дядя Володя повесил над конторкой, а вторую — возле окна. Кровать поставил к той стене, за которой была комната хозяйки. Кровать тёти Нади — возле печки, чтоб ей зимой было тепло, а кровать дяди Володи вдоль стены. Забитые двери, что вели на хозяйскую половину, завесили материей, стол застелили белой скатертью. Миня смотрел и не мог наглядеться. В его избе были только грязные тряпки. Куда ни глянь — всюду валяются клоchy шерсти. И когда мать подметает, шерсть летает по комнате, как паутина осенью. От жжёной и пареной шерсти воздух всегда смраден. А когда отец зимой начинает, поливая кипятком, обрабатывать валенки на колодках, то под потолком клубится пар, как в бане. В такие дни Миня не знает куда и податься.

— Ну как, Миня? — спросил дядя Володя. — Нравится тебе наша квартира?

— Очень. А долго вы тут жить будете?

— Да ещё года полтора, если никакой беды не случится.

Много ли это «полтора го-

да» или мало, Миня не знал. Но по тому, как дядя Володя, тётя Надя и бабушка Елизавета устраивались, ему казалось, что они собираются тут век жить. И это радовало его.

Хозяйка принесла самовар. Миня хотел идти домой, но его тоже посадили за стол. Миня сиял, — теперь уже мама не скажет: «Не ходи к политикам». Сама вот сидит у них за столом и, робко кусая сахар, пьёт чай. А бабушка Елизавета так приветливо обращается к ней, что она всё смелее и смелее отвечает.

И кончается это тем, что, напившись чаю, они идут в маленькую комнату возле кухни и долго о чём-то беседуют. А Миня сидит за столом и слушает, как дядя Володя, Оскар, Проминский и Сосипа-тыч говорят про охоту, про тайгу.

Когда мать с Миней вернулись домой, отец сердито спросил:

— Ты что, забыла, что Заусайлов сказал?

— Их бабушка просила меня помочь по хозяйству, — ответила мать. — Вот и задатку рубль дала...

У отца вспыхнули глаза. Мать, чтоб задобрить его, отдала ему деньги и спросила:

— Так что ж нам — от своей выгоды отказываться? И почему это другие могут их даже квартирантами принимать, для своей корысти, а нам у них вельзы и копейки зарабатывать? Теперь они живут не у Зыряновых, а у нашей хозяйки. И все те наказания Зау-

сайлова нас не касаются. Страшал он нас тогда по наговору Зырянова, кума своего, у которого и глаза завидующие, и руки загребушие. Но политики тоже не лыком шиты, раскусили его да ушли. Ну так ему, анафеме, и надо... Ты, Пётрис, куда же это? — спросила мать, видя, что отец, не слушая её, продвигается к двери.

НА РЫБАЛКУ

Об охоте разговору не было, птицы в эту пору сидели на гнёздах. Свои охотничьи сапоги Владимир Ильич отнёс на чердак, ружьё висело на гвоздике. Владимир Ильич взялся за ловлю рыбы. Это, казалось



— Да я скоро вернусь...

— Оставь деньги дома! — крикнула мать, когда отец уже вышел. Эх, не надо бы ему давать. Теперь уж назад не заберёшь. Но Миню это не волновало. Для него главное было одно: запрет Заусайлова снят. Он может, не боясь, что его высекут, ходить к дяде Володе и тётке Наде. За это не жаль и рубль отдать отцу на водку.

Мине, куда интереснее, чем охота. И вот почему: когда Владимир Ильич начинал собираться на рыбалку, то и Мине было много работы. Он не просился, чтоб Владимир Ильич взял его с собой, но мечтал об этом. Да всё выходило так, что Владимир Ильич отправлялся рыбачить ночью, и куда-то далеко, за Енисей. Днём ему некогда было: он всё время писал. Только после обеда выдавался сво-

бодный часок, чтоб накопать червей и наловить кузнечиков. Миня всегда с нетерпением ждал этого часа. Владимир Ильич брал лопату, и они шли копать червей. А потом переходили вброд Шушу и ловили кузнечиков. Надевая на том берегу речки свои драные штаны, Миня хвалился:

— Я, Владимир Ильич, — знаете как их ловлю? Ладшкой! только хлоп! хлоп! — и есть! Я вам их тысячу или двести поймаю!

— Прекрасно! На тебя у меня вся надежда! — говорил Владимир Ильич, помогая Миня одеваться.

Пошли ловить. Кузнечики так и брызжут из-под ног. У Мини глаза разбежались. Ему хотелось всех одним махом поймать. Кинется за одним, а тут другой под самым носом стрекочет. Он за этим, а тут третий, четвёртый...

— Ты за одним гонись, — советует Владимир Ильич. — А то ни одного не поймашь. Смотри, как я. Раз — и кузнечик мой. Сюда его — рыбка будет.

Миня начал бегать за одним кузнечиком. Гонялся, гонялся, а тот всё порхает и порхает из-под ладони. Остановился Миня, вытер пот с лица и говорит:

— Владимир Ильич! Поймайте вы его, а то он меня боится.

Давно Миня не видел, чтоб Владимир Ильич так безудержно смеялся, но мальчик не мог понять, что его так рассмешило. Удивлённо оглядел-

ся он — туда, сюда, но ничего смешного не увидел.

Наловив кузнечиков, Владимир Ильич спрятал их в такой мешочек, как у отца кисет, и они повернули к дому. Владимир Ильич перенёс Миню через брод, и ему не пришлось раздеваться. А вечером за Владимиром Ильичём зашёл Сосипатыч. Они забрали все снасти и пошли рыбачить, пообещав тётке Наде корзину рыбы. Тётя Надя недоверчиво улыбнулась, а бабушка Елизавета сказала:

— Вы хоть сами там не утопите...

Миня заверил, чтоб успокоить бабушку:

— Не беспокойтесь! Если они утопятся, так не вернутся.

— Чудесно сказано! — смеясь, похвалил Владимир Ильич. — Из тебя настоящий рыбак выйдет. Ну, пошли...

Миня провожал рыболовов до околицы села, где на протоке Енисея стояла лодка. Сосипатыч рассказывал:

— Любит налим разбойничать в тёмную, ненастную ночь. Луны совсем не переносит. Если луна пробивается сквозь тучи, то сматывай удочки и иди домой. А на свет огня — плывёт...

— Да что вы? — удивился Владимир Ильич.

— Правду говорю. Отец ещё меня учил, чтоб скорее костёр разжигал, когда начинаешь ловить налима. А рыбак, он, скажу я вам, Владимир Ильич, был такой, каких больше нет. Теперь мы вот на

крючок ловим, да ещё фабричный. А он, верьте или нет, ловил вот таких налимов на простую иголку.

— Что ж, — согласился Владимир Ильич, — из иголки можно сделать неплохой крючок.

— В том-то и штука, что никаких крючков он не признавал. Перевяжет иголку посредине леской, нацепит наживку — а он чаще всего на кусочек ерша ловил — и забрасывает. Налим глотнёт — он, разбойник, прожорливый — иголка становится поперёк горла, и тяни его тогда спокойно. Ну, Миня, тебе пора домой возвращаться, — прервав рассказ о повадках налимов, сказал Сосипатыч, когда они сели в лодку.

— Иду, — вздохнул Миня.

Но пошёл домой только после того, как лодка с рыболовами, отчалив от берега, скрылась за островом. Когда он добрёл домой, было уже совсем темно. На село, со стороны Саянских гор, надвигалась, сверкая молниями, гроза. Миня хотел ещё пойти к бабушке Елизавете и послушать её сказки, она их знала очень много, но мать не пустила.

Долго Миня не мог уснуть. Лежал с открытыми глазами и прислушивался, как за окном всё сильнее гремел гром, вспыхивая молниями. Иногда Миня казалось, что за окном то вспыхивала, то погасала лампа Владимира Ильича, — таким зелёным цветом молнии освещали избу. Страшно было за Владимира Ильича — как-

то они там с Сосипатычем сидят возле речки в такую грозу? Миня решил не спать всю ночь, потому что, если он заснёт, то с Владимиром Ильичём что-нибудь случится. А не будет он спать, то всё обойдётся хорошо... Он долго боролся со сном, который одолевал его. И всё-таки заснул...

А раскрыл глаза — за окном ярко сияет солнце. В избе никого нет. Миня кинулся к Владимиру Ильичу. Подбежал к крыльцу, увидел корыто, в котором лежали беловатыми брюшками вверх сомы и налимы. Из избы вышла бабушка Елизавета, удовлетворённо улыбаясь, сказала:

— Пришёл помогать мне? Ну давай чистить рыбу...

ПО ГРИБЫ

— Нет, нет, не уговаривайте меня! — отмахивался Владимир Ильич, когда ему начинали говорить, что надо бы по грибы съездить. — Не люблю я грибы собирать!

— А говорил, что всей семьёй в лес по грибы ходили, — сказала тётя Надя.

— Да, да, ходили. Но вся привлекательность тех походов заключалась не в сборе грибов, а в том, что мы с отцом пели запрещённые песни, читали стихи. А грибы были только поводом для тех чудесных прогулок. На всю жизнь они оставили в моей душе удивительно светлое чувство. И вообще это были самые счастливые годы нашей семьи. А как умер отец, так и посыпались на нас несчастья, одно